

УДК

37.017.4(470.6)084.8

ББК 235.55

ГСНТИ 03.023.55

Код ВАК 07.00.02

М.В. Хорольская

Москва

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ПРОПАГАНДЕ КАК
ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1941-1945 ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, пропаганда, «кавказский эксперимент», национальные элементы в пропаганде.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется роль пропаганды в воспитании патриотизма горских народов Северного Кавказа. Исследуется использование в идеологической работе с населением традиций, культурных элементов, колорита кавказских народностей по принципу «национальное по форме, социалистическое по содержанию».

M.V. Khorolskaya

Moscow

**NATIONAL ASPECTS IN THE PROPAGANDA AS A
FACTOR OF PATRIOTIC EDUCATION IN THE NORTH
CAUCASUS IN 1941-1945**

KEY WORDS: the Great Patriotic War, The Battle of the Caucasus, propaganda, “Caucasus experiment”, national elements in propaganda.

ABSTRACT: In this article it is told about propaganda’s role in the education of the patriotism of the mountaineers. It is analyzed the use of Caucasian’s traditions, cultural elements in ideological work with peoples. The propaganda acted like “national in form and socialistic in essence”.

Битва за Кавказ является важным эпизодом Великой Отечественной войны. Советская армия стремилась не допустить врага к зерновым и сырьевым ресурсам, выходу на Ближний Восток. Для дестабилизации данного региона и привлечения дополнительных сил на свою сторону немцами был разработан «кавказский эксперимент», направленный на привлечение народов Кавказа к борьбе против

советской власти. Соответственно, советская пропаганда должна была укрепить чувство патриотизма горских народов, готовность сражаться с врагом, не допустить повторения восстаний 1930-х и разрастания очагов сопротивления, а также противодействовать «кавказскому эксперименту».

Для воздействия на население советской властью была сформирована централизованная пропагандистская система, которую обеспечивали центральные организации УпиА, ГлавПУРККА, ТАСС, специальные отделы обкомов, крайкомов, райкомов партии на местах, а также партизаны и подполье. Для наибольшего охвата населения использовалась взаимодополняемость различных форм пропаганды: письменной – пресса, литовки; устной – митинги, агитаторы и пропагандисты; визуальной – выставки, агитмашины, плакаты. Привлекались такие духовные сферы, как культура, религия.

Содержание пропаганды носило общесоветский характер. Она стремилась вселить в население уверенность в победе, но одновременно показать смертельную опасность нависшей угрозы, с которой надо бороться ударной работой в тылу и всенародной борьбой с противником. «Твоя преданность Родине, как никогда раньше должна быть подтверждена теперь героическими делами» (23. С. 3). Контрпропаганда боролась с немецкими высказываниями о непобедимости вермахта, с критическими выпадами против советской власти, с гитлеровской политикой на оккупированных территориях, особенно в аграрном вопросе. (20; 23). Советской агитацией использовались образы Родины, героя и героини, постулировалось единство народа и армии, страны и партии, дружбы народов, в которой русский являлся старшим братом. В агитационных материалах социалистический строй, колхозное хозяйство, национальная политика названы лучшими в мире. При описании малой Родины основополагающей является идея о том, как много дала Кавказу советская власть. Печатались материалы, плакаты, проводились лекции, посвященные историческим победам нашей страны над иноземными завоевателями, предрекалось, что Гитлер повторит судьбу рыцарей-крестоносцев на Чудском озере и Наполеона. При этом пропаганда показывала все преступления, совершаемые оккупационными силами, формировала образ врага, которого необходимо было уничтожить.

Для большего воздействия на население пропагандистские

органы стремились адаптировать агитационный материал для разных национальных, возрастных, гендерных и профессиональных групп. Совет военно-политической пропаганды при Главном Политическом Управлении Красной Армии резко критиковал листовки, адресованные населению всех оккупированных районов без учета его особенностей (20; 22).

Можно выделить две особенности в пропаганде для горских народов. Первая – перевод материалов на кавказские языки, привлечение к агитации представителей коренных народов; вторая – использование в пропаганде национальных традиций, образов, истории, колорита. В качестве примеров первого можно привести выпуск для населения оккупированной территории листовок «За советскую Кабардино-Балкарию» на трех языках (7. С. 276), выпуск газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» на русском, кабардинском и балкарском (7. С. 165). 26 августа 1943 г. секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации Гаджи Аликберов обращается с просьбой к начальнику управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову вдобавок к газете на аварском и кумыкском издавать прессу на даргинском и лезгинском, и если раньше в подобной просьбе было отказано, то сейчас разрешено (25. С. 767). Во время битвы за Кавказ в ноябре 1942 г. по решению ЦК ВКП(б) для оккупированных районов в Тбилиси было организовано радиовещание на языках народов Северного Кавказа – кабардинском, адыгейском и осетинском. Для противодействия немецкой пропаганды среди мусульман планировался митинг восточных народов СССР (14; 15). А в период битвы за Кавказ УПиА ЦК ВКП(б) сочло целесообразным провести антифашистские митинги народов Закавказья и Северного Кавказа. 13 августа 1942 г. в г. Орджоникидзе у братской могилы героев гражданской войны, состоялся антифашистский митинг народов Северного Кавказа, на котором присутствовали свыше 3 тыс. участников (3; 8). 26 августа состоялся антифашистский митинг молодежи Северного Кавказа, выступление и обращение которого также было опубликовано (7; 15).

Особое внимание горским традициям пропаганда уделяет в период битвы за Кавказ. В частности, партийной властью было принято решение использовать для агитации традиционно пользующихся уважением старейшин. 2 сентября 1942 г. в чеченском

ауле Шатой и ингушском селении Назрань старцы выступили перед населением: «Храбрые наши дети! К вам обращаем мы свое стариковское слово: все как один выходите на бой с врагом!» (2; 53) 28–29 октября 1942 г. в г. Махачкале состоялось совещание старейших горцев Дагестана, на которое съехались около двухсот человек (3; 13). Старейшины приняли обращение «Не пустим врага в наш горы, отстоим родной Кавказ!», в котором призвали всех старейших людей Дагестана, горцев и горянок подниматься на священную войну (11; 13]. В ноябре проходили районные совещания старейшин в Хунзахе, Цурибе и других селениях (5. С. 13). После освобождения авторитет стариков использовался, чтобы отколоть население от бандитизма (10. С.248). Так же для формирования у горских народов патриотических настроений и ненависти к врагу использовались понятия «кровники» (кровные враги), «как горные реки не потекут вспять, как прекрасное солнце не перестанет светить на нашей земле, так и черные тучи фашизма никогда не покроют наши кавказские горы. Гитлер и его банда – наши кровники...» (11. С. 400), и газават 4, священная война, которой объявлялась война СССР с нацизмом. Для борьбы с бандитизмом, дезертирством использовали «культуру стыда». В постановлении бюро обкома ВКП(б) «О мерах по усилению борьбы с бандитизмом и дезертирством» от 14 октября 1942 г. требовалось создать атмосферу «всеобщего презрения к бандитам и их семьям со стороны всего местного населения» (10. С. 134). Родовым позором пугали и молодежь, не поддерживающую добровольческую кампанию (4). В пропаганде, направленной на осетинский народ, использовался нартский эпос. Ученые и писатели Северной Осетии продолжили работу по сбору, систематизации и подготовке к печати сказаний о нартах, в агитации ссылались на героический завет предков – «Лучше смерть, чем позор» (24. С. 128), возрождались нартские обычаи: клятва перед родом и проход воина через строй обнаженных сабель (4).

В пропагандистском материале использовался национальный колорит. Листовки в большинстве своем были написаны витиеватым цветистым языком, обком ВКП(б) и СНК республики обратимся к населению: «Молодые джигиты Карачая и

4 Одновременно немцы использовали идею газавата, как священной войны горцев против большевизма.

Черкесии» (16. С. 72). На митинге народов Северного Кавказа говорилось, «Гитлер хочет [...] чтобы не звучал у нас фандыр, чтобы не веселила нас «лезгинка», чтобы навсегда умолкли наши горские и казачьи песни». В стиле кавказской клятвы звучало: «Пусть солнце не сияет над нами, пусть света не видать нам, пусть позор падет на нас, если мы пустим проклятого немца на Кавказ!»(8. С. 7)

Общесоветский образ героя также получал национальные коннотации. В характеристиках кавказцев особо подчеркивались их храбрость и свободолюбие. «Может ли свободный горный орел, паривший в небесах у самого солнца, допустить, чтобы его заковали в цепи и заточили в подземелье? Нет!.. Вороне орлом не быть, не быть Гитлеру хозяином советской земли!» (13. С. 10). В плакате И.М. Тоидзе «Отстоим Кавказ!» в наступательном порыве показан красивый, широкоплечий герой в бурке, с ярким, выделенным красным цветом орденом на груди. На его фоне более скромен моряк черноморского флота (12. С. 209). Особое внимание уделялось образу героини. В данном случае приходилось противоречить кавказской традиции, не позволявшей женщине выполнять ряд мужских работ. Агитработа с женщинами приносила результаты, однако вызывала недовольство в отдаленных районах (5. С. 74). Пропагандистские образы подкреплялись информацией о достижениях земляков на фронте и в тылу.

Советская пропаганда на Северном Кавказе обращала внимание на борьбу с идеологической линией немцев на сближение с горскими и казачьими народами. Для этого распространялась информация о преступлениях оккупационного режима, в частности, организовались поездки представителей Северного Кавказа в ограбленное немцами селение Кызбурун (14. С. 22-23).

На митингах, в пропагандистских брошюрах особо подчеркивалось, что «пытаясь продвинуться вглубь Кавказа, Гитлер и его военная клика идут на хитрость... Гитлер пускает новый миф о «благоволении» его к мусульманскому миру» (27. С. 28). Все популистские меры немцев объяснялись попыткой обмануть советских людей. Акции по сбору вещей для сирот и неимущих, объявлялись способом создать в народе благожелательное отношение к оккупационной власти и получить большую часть, пожертвованных средств, распространение свободной торговли и покупка немцами продуктов на рынках объяснялась обманом населения, с которым

расплачивались поддельными марками. Пропаганда утверждала, что в аграрном вопросе немцы стремятся к восстановлению помещичьей собственности, немецкой колонизации, однако появляется и упоминание «земельного закона» Розенберга, который критиковался не за разрушение колхозного строя, но за ложность обещаний, за параграфы закона, позволявшие оккупантам не выдавать землю в единоличное пользование (26. С. 22). Для того, чтобы доказать двуличие немецкой политики, публиковалась памятка генерал-полковника фон Клейста, в которой он как будто бы писал: «На Кавказе строгие обычаи. Здесь грабежи, убийства и насилия не прощаются, становятся кровной обидой. Все это следует делать втихомолку умело, осмотрительно...» (27. С. 5-6).

В период войны пропаганда входила в тесное соприкосновение с такой духовной сферой, как культура. В театрах наряду с демонстрируемыми по всей стране патриотическими постановками как, например, «Профессор Мамлок» Ф. Вольфа, «Олеко Дундич», «Черный туман», «Нашествие» (24. С. 129), появляются героические пьесы с горскими мотивами. Грозненским театром в районных центрах были даны «Храбрый Кикикла» Гамрикели и Нахуцашвили, «Мекхаш Мирза» Н. Музаева и Ванштейна и др. (9. С. 36). Восстанавливаются горские театры Лакский, Аварский, Кабардинский. В последнем был проведен смотр пьес, одной из задач которого являлся анализ развития национальной драматургии (10. С. 311). В Москве была проведена декада Северо-Осетинского искусства (15. С. 52). В лирике отмечается обращение к традиционным стилям кавказского стихосложения, появляются героические песни, плачи, обращаются к теме войны Шамиля. Большое внимание уделялось переводам на кавказские языки произведений А. Толстого, И. Эренбурга. Несмотря на разницу в принципах стихосложения переводятся стихи советских поэтов, написанные на оборонную тематику (9. С.38). Распространялось исполнение русских песен в переводе на аварский с русскими мелодиями (5. С.438).

Сильным влиянием на духовную сферу обладает религия. В довоенный период советская власть проводила антирелигиозную политику, вызывавшую неприятие и волнения среди горских народов. Однако с началом войны партия смягчила отношение к основным конфессиям – был распущен «Союз воинствующих безбожников», распространялись призывы религиозных деятелей к защите Родины; в

1943 г. нормализуются государственно-церковные отношения, осуществлены выборы Патриарха Московского и Всея Руси, а так же Священного Синода. В системе государственных органов СССР появился Совет по делам РПЦ при СНК СССР (21. С. 18). Изменилась и политика по отношению к исламу. 18 июля 1941 г. муфтий Г.З. Расулев обратился с первым воззванием к мусульманам, призывая подняться на защиту земли, молиться в мечетях о победе Красной Армии и благословить своих сыновей на борьбу с захватчиками (21. С.63). В партийной брошюре «Непокоренный Кавказ» цитировался Коран и рассказывалось о призыве трех старейших ученых-арабистов к газавату (26. С. 34). В числе важных задач пропаганды была борьба с последствиями «кавказского эксперимента». Разъяснялось, что немцы лишь выдавали себя за друзей ислама, при этом превращали мечети в конюшни, убивали мирное мусульманское население. Проведение оккупантами религиозного праздника «курбан-байрам» критиковалось не за возвращение «мракобесия», а за нарушение религиозных традиций (10. С. 273).

В мае 1944 г. при СНК СССР был создан Совет по делам религиозных культов, в этом же году было принято решение об открытии в г. Буйнакске Духовного Управления мусульман Северного Кавказа. В июне 1944 г. там же состоялся съезд представителей мусульманского духовенства и верующих Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Краснодарского и Ставропольского краев (21. С. 434), на котором было принято обращение к мусульманам региона, написано приветственное письмо Сталину, призыв к духовным лидерам (19. С. 48-51).

При этом в пропагандистской работе с горскими народами был ряд недостатков. Несмотря на требование учитывать национальные особенности, в некоторых районах, в частности в Карачае, пропаганда была поставлена шаблонно, не задействован карачаевский язык, коренное население, региональная информация, что привело к усилению немецкого влияния (25. С. 750). Агитация и пропаганда в частях Северной группы Закавказского фронта велась без использования актуального для данного военного объединения материала (16. С. 202). Население горных районов было лишено агитационно-пропагандистского влияния и «жило слухами» (6. С. 6). В ряде местностей, в частности в Чечено-Ингушетии из-за низкого политического уровня и образования не было возможности набрать

агитаторов из коренного населения, и обком вынужден был посылать русских, даже в высокогорные районы, где население не владело русским языком (25. С. 666). Существовали трудности и во взаимопонимании представителей различных национальностей. Некоторые командиры и политработники пренебрежительно относились к бойцам-кавказцам⁵, не обеспечивали литературой на родных языках (25. С. 665). Подобные проблемы существовали и при взаимодействии Красной армии и населения ЧИАССР, что выражалось в антисоветских действиях и высказываниях последних. Бойцов возмущал вид чечено-ингушских мужчин «богато и нарядно одетых и бездельничающих» (16. С. 202). При этом отмечалось игнорирование местных особенностей Красной армией, отдельные факты самовольной экспроприации, неумелая пропаганда освободительной роли армии, значения защиты Кавказа, перспективы в случае прихода немцев (16. С. 202). Сложность взаимодействия с иным этнокультурным пространством отмечалась и в период борьбы с бандитизмом. В донесении Управления войск НКВД Северо-Кавказского округа говорится, «особые, неизвестные значительному количеству наших войск, в том числе и офицерам, национальные, культурные и бытовые обычаи и, а также наличие родовых пережитков, сила авторитетов и религиозный фанатизм оказывали влияние на организацию мероприятий по борьбе с бандитизмом» (4. С. 31).

Пропагандистские идеи единства борьбы вступали в противоречие с политикой приостановки призыва в 1942 г. северокавказских национальностей (официальные ограничения не коснулись только осетин), поэтому кампанией, обеспечивающей пополнение вооруженных сил благонадежными кадрами и удовлетворяющей патриотические устремления горцев было добровольчество, которое поддерживало интернациональный образ государства и сохраняло у кавказских народов чувство сопричастности борьбе на фронте. Например, Ю.А. Безугольный, Н.Ф. Бугай и Е.Ф. Кринко пишут о масштабной пропагандистско-добровольческой кампании в Дагестане и Чечено-Ингушетии в январе-марте 1943 г. (4). Еще одним противоречием между пропагандистскими положениями и

⁵ А. Авторханов видит причины дезертирства представителей Кавказа в общей пище со свининой, с чем не согласны историки Р.И. Цориев, Т.М. Баликоев (1. С. 4).

реальной политикой являлась депортация ряда кавказских народов в 1943-44 гг.

Таким образом, для наибольшего воздействия на горские народы, воспитания у них патриотизма, ненависти к врагу, нейтрализации, проводимого немцами «кавказского эксперимента» советская пропаганда использовала горские традиции, историю, символы, колорит, привлекала культуру и религию, что положительным образом сказывалось на взаимодействии с кавказскими народами. Однако подобная адаптация не изменяла глубинных основ общесоветских идей, являлась «национальной по форме, но социалистической по содержанию». При этом, недоработки в отдаленных чечено-ингушских аулах, Карачаевской области, игнорирование некоторых этнокультурных традиций, противоречие пропаганды и политических действий, трудности военного времени, а также немецкое влияние и сформировавшееся еще в довоенный период недовольство горцев некоторыми действиями партии привели к выступлениям против советской власти.

Литература:

1. Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.: СП «Вся Москва», 1991.
2. Баликоев Т. М. Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2000.
3. «Бандиты стремились... сохранить новый порядок» // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 83–89.
4. Безугольный Ю.А., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Проблемы истории, историографии и источниковедения). М., 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://mexalib.com/view/64950> (дата обращения 20. 01. 2015)
5. Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий. Махачкала: Изд-во Дагестанского филиала АН СССР института истории, языка и литературы, 1962.
6. Иванов В.А. О некоторых задачах партийной пропаганды и агитации. Грозный: Чечнагосиздат, 1943.
7. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Сборник документов и материалов). Нальчик: Эльбрус, 1975.
8. Ко всем народам Северного Кавказа. Материалы антифашистского митинга народов Северного Кавказа, состоявшегося в г. Орджоникидзе 13 августа 1942 г. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1942.

9. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941- 1980 гг.): Сборник документов и материалов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1985.
10. Лики войны. Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1995.
11. Народный подвиг в битве за Кавказ. М.: Наука, 1981.
12. Огаркова Е.В. Советская и германская изобразительная пропаганда периода Сталинградской битвы // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Волгоград, 2007. Вып. 6.
13. Не пустим врага в наш горы, отстоим родной Кавказ (материалы совещания старейших горцев Дагестана 28–29 октября 1942 года). Махачкала: Дагиз, 1942.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 75.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 142.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 236.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 261.
20. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 657.
21. Синицын Ф. Л. Национальный вопрос на оккупированной территории СССР, 1941–1944. Пермь: ЦНТИ, 2013.
22. Сомова И. Ю., Линец С. И. Культурные и религиозные учреждения Ставропольского края в период Великой Отечественной войны. Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2009.
23. Твой долг. Памятка патриота Советской Родины. Отдел пропаганды и агитации. Ростов н/Д, 1942.
24. Худалов Т.Т. Северная Осетия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гуманит. исслед, 1992.
25. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945. М. : РОССПЭН, 2009.
26. Шмонин А. Непокоренный Кавказ. Махачкала: Дагиз, 1943.
27. Эмиров Н. Кавказ в захватнических планах немецких империалистов. В помощь агитатору и пропагандисту. Махачкала: Даггосиздат, 1943.